

Ее шикарный босс-2: вопреки

Автор:

[Юлия Бузакина](#)

Ее шикарный босс-2: вопреки

Юлия Бузакина

Служебный роман #4

В наследство от родителей Кате Соловьевой досталась только привлекательная внешность – и ни гроша за душой. Судьба сводит ее с Александром Ярцевым – олигархом, сколотившим состояние на производстве оружия. На свет появляется маленькое чудо – прекрасный мальчик. Казалось бы, счастье пришло в дом. Но у главы семьи свои скелеты в шкафу. Чтобы сохранить семью, Александру придется окунуться в прошлое и вступить в войну с собственным братом – одним из самых опасных и влиятельных людей Приморья.

Юлия Бузакина

Ее шикарный босс-2: вопреки

Пролог

Автор предупреждает: все события в книге вымышлены и не имеют ничего общего с реальной действительностью.

В промозглый декабрьский вечер у сырого берега бухты залива стоял мужчина. Засунув руки в карманы распахнутой дубленки, он мрачно всматривался в серую мглу. Ветер безжалостно трепал густую копну его черных, как смоль, волос, бил

по идеально очерченным скулам и квадратному подбородку, и заставлял хмурить широкие, вразлет брови.

Он был потрясающе красив в этой застывшей позе. Ледяные волны лениво лизали носки его тяжелых ботинок, длинная дубленка была распахнута, мускулистую грудь обдавали нестерпимо колючие порывы ветра, но он не чувствовал холод.

Его называли одним из самых опасных и богатых людей Приморья. Его интересы простирались отовсюду – ни одна промышленность не обходилась без его негласного участия. Когда-то он начинал с предпринимательской деятельности, а сейчас занимал пост мэра в маленьком приморском городке.

Его путь процветающего бизнесмена и политика начался с одного единственного миллиона рублей, который он украл у родного брата. Деньги он пустил в нелегальный бизнес. Брата Олег Ярцев потерял, но смог встать на ноги. Он всегда был одиночкой. Не связывал себя обязательствами, не заводил семьи. Единственной его страстью была власть, и он карабкался вверх, ловко убирая с пути неугодных и соперников.

Сейчас, спустя тринадцать лет, Олег Ярцев мог собой гордиться. Но его путь к богатству и влиянию не был усыпан лаврами. Этот путь был тернист, кровав и щедро посыпан пеплом предательства. Выдержка и умение выживать, безжалостно уничтожая противников, окупилась сторицей. Теперь деньги текли к нему полноводной рекой, и в будущем сентябре он планировал участвовать в губернаторских выборах. По-настоящему новых людей в Приморской политике не наблюдалось давно, и Ярцев решил разбавить их ряды своим присутствием. Он устал довольствоваться родным городом и нацелился на покорение Владивостока.

На сегодняшний день у Олега Дмитриевича были связи и возможности. Не хватало только поддержки со стороны чеченской диаспоры, которая контролировала торговые порты. С чеченцами всегда ладил его старший брат, а вот самому Олегу подобраться к ним никак не удавалось. Сотрудничать те отказывались наотрез. Впрочем, Олег прекрасно обходился и без чеченцев – кровавые боины остались в прошлом, криминальные авторитеты переоделись в дорожные костюмы, занимали важные посты и вели бизнес. Но лакомый кусок с прибыли от проходящих в порт товаров из Китая и Азии бередил требовательную душу Ярцева. Ему хотелось доли и оттуда.

Олег стоял и смотрел на подмерзшие ледяные воды залива. Сегодня он потерпел поражение. Переговоры с Бакаром Тураевым, который занимал большую должность в администрации края, не дали никакого результата. От Бакара зависела львиная доля успеха в будущих губернаторских выборах, и теперь грудь Ярцева сдавливала глухая ярость. Если бы Тураев не был такой заметной фигурой, Олег уже бы давно убрал его со своего пути.

– Олег Дмитриевич! – послышался голос начальника охраны у него за спиной. – Машина подана, Олег Дмитриевич! Елена Васильевна попросила передать, что она озябла совсем в машине вас ждать.

– Уже иду, – недовольный тем, что его отвлекли от размышлений, буркнул он.

Затем тяжело вздохнул и пнул носком ботинка отколовшуюся от кромки льдину. Видимо, придется все же аккуратно убрать Тураева с пути. Ему не хотелось пачкаться накануне выборов, но другие механизмы воздействия на строптивного чеченского ставленника просто не работали. Подмять под себя непокорных чеченцев и порты – вот его давняя цель, ноющая занозой в груди. Похоже, пришло время новой негласной войны. То, чего он не мог получить с помощью переговоров и подкупов, Олег Ярцев добивался силой. Правда, на этот раз придется быть осторожным, чтобы не замарать руки. Ну, ему не впервой. Поди не мальчик уже, сто раз через это проходил. Отступить некуда, впереди Владивосток, а там, глядишь, и Москва близко.

Глава 1

Вода. Темная, страшная, холодная. Кое-где покрытая льдом, она поблескивает в свете полной луны и вызывает дикую панику. По спине капельками стекает холодный пот. Катя знает – ее брат там, спрятанный под толщей льда и воды. Он не умер, нет. Он жив и ждет не дождется, когда она подойдет к воде, чтобы схватить ее за руку и утянуть за собой, в жуткую ледяную пучину. Она понимает – надо бежать, но почему-то стоит у спуска к реке и не может двигаться. Сильный холод пробирается под длинную шубу, сковывает тело и не дает свободно вздохнуть.

У нее за спиной город, в котором она родилась и выросла. Город потонул во мраке, его больше нет. Нет ничего. Нет прежней Кати. Нынешняя Катя – всего лишь тень. Ее лицо изрезано острым ножом, она чувствует нестерпимую боль и единственное ее желание – уйти под воду и перестать дышать. Она делает неуверенный шаг вперед, к черной и страшной воде. Затем еще один. Вот из воды к ней тянется рука. Будто сотканная из черной жидкости, она впивается Кате в скулы и с силой тянет за собой. Она больше не может дышать. Она бьется в истерике, ей больно, но избавиться от цепкой хватки никак не получается. Рука отнимает у нее жизнь – медленно и уверенно, с садистским наслаждением выпивая ее до самого дна.

В ушах пронзительно звенит. Снова и снова, несмотря на невозможность дышать, в голове звенит трель.

Катерина резко подскочила в постели и открыла глаза. Сотовый телефон на тумбе отчаянно вибрировал вызовом. Дрожащими руками молодая женщина схватила телефон, сглотнула ком, застрявший в пересохшем горле, и посмотрела на экран. Фотография мужа, красивого и уверенного в себе, с любовью в глазах улыбалась ей с экрана.

– Алло, – приветствие получилось хриплым и едва слышным. Правую часть лица свело болью.

– Катюша, привет. Что с голосом? Ты спишь, что ли? – бодрый, веселый голос Саши на другом конце провода. – Просыпайся, соня! Я в аэропорту уже.

– Ох, я все проспала, да? Прости, прости!

Накануне она обещала ему, что приготовит роскошный завтрак, ведь сегодня их третья годовщина свадьбы. И вот, проспала встречу.

– Да ладно, все в порядке. Я такси возьму. Постарайся к моему приезду окончательно проснуться. Я привезу тебе булочки из нашей кофейни.

– Уже бегу приводить себя в порядок.

– Поторапливайся. Через полчаса я буду дома, – он посмеивался с ее оплошности вместо того, чтобы обидеться, и за это она любила его еще сильнее.

– Бегу со всех ног в ванную комнату, – ей с трудом удалось улыбнуться, и она положила трубку. Осторожно подвинулась и взглянула на маленькое сокровище, сопящее под теплым одеялом на соседней подушке. Из-под одеяла торчали непослушные черные кудряшки. Маленький Сашенька спал таким же крепким сном, как еще недавно его мама.

Катя соскользнула с постели и бросилась к комоду. Достала оттуда коробочку с золотыми запонками. На запонках были выгравированы две заглавные буквы – А и Е. Буквы причудливо переплетались, создавали узор и невольно притягивали взгляд. Александр и Екатерина, крепко держащиеся друг за друга – вот что означал этот символ, созданный ювелиром на заказ.

Правую щеку опалило новой волной боли. Катя вздрогнула и схватилась за скулу. Тут же вспомнила свой кошмар, не давший услышать будильник. Чувство, будто ее кто-то душил на самом деле, никак не хотело отпустить. Молодая женщина медленно подняла голову и посмотрела в зеркало над комодом. Нет, с лицом все было в порядке. Лишь тонкий, едва заметный шрам у самого уха напоминал о прошлом. С этим шрамом хирург ничего не смог сделать. Именно это место отдавало сильными болями, облегчить которые терапии удавалось лишь на время.

Уже три года они с Сашей жили в Германии. Гамбург с его уютной двухкомнатной квартиркой на втором этаже старинного пятиэтажного строения стал их первым общим домом. Здесь родился их сын, и Кате казалось, что в мире нет места прекраснее.

Нет, так было не всегда. Первый год после переезда стал настоящим кошмаром. Не желая терять время на адаптацию к новой стране, уже на следующий день после перелета Катя сидела в кабинете у пластического хирурга. Начались обследования, анализы и подготовка к первой операции.

Через две недели она легла под нож, взяв с мужа обещание, что он не станет приходить в клинику до тех пор, пока ей не разрешат поехать домой.

Ярцев был категорически против, но Катя твердо стояла на своем – только разговоры по телефону. Она не могла позволить, чтобы он видел ее некрасивой. Ей было достаточно и того, что они прожили вместе полтора месяца после трагедии.

Саша уступил скрепя сердце.

Первые дни после операции давались очень тяжело. Перевязки, антибиотики и обезболивающие средства облегчали страдания лишь на время, отечность спадала медленно, и Катя была в отчаянии. Чужая страна, уютная, но все же больница, очень вежливый персонал, и ни слова по-русски доводили ее до истерики. В отличие от мужа, Катя совсем не понимала немецкий язык. Она ненавидела Германию.

«Все, достаточно! Я приеду. Мне плевать, как ты сейчас выглядишь. Я хочу быть рядом с тобой! – гроыхал в трубке муж. – Это невыносимое испытание – находиться в одном городе, и не иметь возможности поддержать тебя своим присутствием!»

«Не смей! Приедешь, когда мне разрешат отправиться домой!» – упрямылась Катя.

Ярцев снова уступил. Она не знала, что в первые дни после операции он не находил себе места. Он не мог есть, не мог спать. Каждые три часа он звонил ее лечащему врачу, требуя полного отчета о ее состоянии, и за всю историю работы клиники не было клиента настырнее.

На шестой день появились первые улучшения, и Катя начала успокаиваться. В ее сердце затеплилась надежда на возвращение прежней привлекательности. Она понемногу приходила в себя.

Для ускорения периода реабилитации ей назначили физиотерапию и массаж. Косметологические процедуры, контурная пластика – чего только не делали с ее лицом, чтобы исправить нанесенные повреждения. Порой она так уставала, что хотелось лезть на стену. Но рядом был Саша, и она не имела права сдаваться.

Всю свою бешеную энергетику Ярцев направил на Катю. Он вцепился в нее мертвой хваткой и тянул вперед, не давая отчаиваться. Если бы не его безумная

упертость и твердое намерение добиться ее полного исцеления, Катя бы не дошла до конца.

Саша не сдавался. Он следил за ее образом жизни. Он заставлял ее правильно питаться и много гулять на свежем воздухе. Он заставлял ее учить немецкий язык, который доводил ее до слез и совсем не давался.

Он вломил в ее восстановление столько денег, что Катя боялась даже об этом думать.

За первый год совместной жизни Ярцев многое дал своей жене. Он лепил из нищей, сломленной нанесенными увечьями девчонки новую женщину – роскошную и уверенную, себе под стать, и Катя, приоткрыв рот от восторга, беспрекословно подчинялась новшествам.

«Я не согласен на меньшее». Теперь этот его девиз сопровождал Катю по жизни, и она обожала своего мужа. То, что он старше и опытнее, давало ему бесспорное преимущество в ее глазах. За первый год их брака он заменил ей всех – Саша стал требовательным родителем, любящим мужем и самым лучшим другом.

Постепенно Катя выздоравливала. Она распускалась во всей красе осторожно и медленно, страшась оступиться и снова упасть на самое дно. Но рядом, у нее за спиной, стоял Саша. Он был ее каменной стеной и поддержкой.

Она не знала, как у них получился ребенок. Врачи отчаянно рекомендовали ей повременить с беременностью, и они с Сашей всеми силами следовали рекомендации. Как получилось, что спустя десять месяцев после переезда из России у нее под сердцем оказался малыш, до сих пор оставалось загадкой.

«Я не стану тебя осуждать, если ты примешь решение, о котором говорит наш лечащий врач». Эти слова давались Ярцеву с трудом – они хотели ребенка. Но рисковать Катей еще раз лично для него было невыносимо.

«Как же я буду жить дальше, если отниму у него жизнь? – со слезами на глазах шептала в ответ она. – Как, Саша? Ведь мы так хотели его...»

Катя решила родить. Вопреки всем предостережениям и уговорам врачей она выбрала ребенка.

Беременность не сулила ей ничего хорошего – организм, перенесший столько повреждений, был не готов к еще одному испытанию. Но решение больше не обсуждалось. Оно пришло в тот же миг, как стало ясно, что ребенок уже есть.

Все девять месяцев Катерина находилась под пристальным вниманием врачей. Чего ей только не прописывали для поддержания организма. Ее тело было исколото иглами от капельниц и уколов, но это было еще терпимо. Сложно было выносить боли в правой части лица. Они опаляли резко и внезапно, и от этого сводило даже челюсть. Обезболивающие средства были под запретом.

По ночам ее мучили кошмары. В них она все также продолжала находиться в том подвале, и ей снова и снова резали лицо острым ножом.

Ее муж отложил все дела. Он был рядом, всегда и везде, готовый по первому зову прийти на помощь. Он научился делать теплые компрессы и уколы, чтобы не мучить Катю лишними поездками в больницу. Он готовил для нее соки из свежих фруктов и запекал в духовке блюда без соли, чтобы снизить нагрузку на работающий за двоих организм и избежать отеков. Это был его ребенок, который появился вопреки всему, и Ярцев считал, что несет за здоровье Кати и малыша личную ответственность.

Он больше не занимался строительством, не посещал деловых форумов и мероприятий, в которых участвовали крупные инвесторы. Все свои ресурсы он вкладывал в усовершенствование производства АК-47. Его заводы производили оружие, которое было так необходимо союзникам, и доходы от продаж росли пропорционально потребностям в вооружении.

Спустя девять месяцев под надзором врачей Гамбургской клиники Катя родила маленького мальчика. Имя не обсуждалось – ребенок был настолько похож на своего отца, что первым словом новоиспеченной мамы, когда ей поднесли новорожденного сына, было имя мужа – Саша.

После рождения сына Ярцевы продолжали жить в районе Санкт Паули, все в той же съемной квартире, которую подобрали, еще находясь в России.

Психотерапевт, которого посещала Катя, не рекомендовал менять место

жительства, и они продолжали ютиться в съемной двушке.

Каждое воскресенье с марта по январь ранним утром недалеко от их дома работал Рыбный рынок. Ярцевы обожали бродить среди рыбных прилавков и слушать целые концерты, которые устраивали продавцы, чтобы продать свой товар.

Кате нравились цветочные аукционы. Она с удовольствием участвовала в небольших развлечениях на ярмарках. Постепенно их квартирка заполнялась неповторимыми мелочами, каждая из которых о чем-то напоминала и делала совместную жизнь уютной.

Старинный северный город, с бесчисленными парками, аллеями и огромным озером, у которого так любили отдыхать местные жители и туристы, заставил Ярцевых втянуться в его жизнь, и они уже не планировали уезжать обратно в Россию. Здесь, в Германии, они пытались обрести счастье. Простая квартира, дружба с соседями, и никакой показной роскоши. Никто не догадывался, чем на самом деле занимается Саша, и почему Катя сторонится общения с незнакомцами.

За последний год Катерина частично восстановила свое здоровье. Осталась только невралгия, которая проявлялась бессонницей, чудовищными кошмарами и болью в правой части лица. Чаще всего приступы случались, когда Катя оставалась в городе одна, без мужа. Вот и сейчас приснился кошмар.

Ее брата Сережу так и не нашли. Он, словно растворился. Доблестные сотрудники правоохранительных органов лишь разводили руками. А потом убрали дело в дальний ящик.

Катя снова взглянула на сына. Малыш все также крепко спал, уткнувшись носиком в подушку.

Она улыбнулась. Не важно, что Сергей остался безнаказанным. Главное – благодаря упорству мужа она снова может с гордостью появляться рядом с ним на публике. А еще у нее есть самое большое сокровище на свете – их маленький сын. Жизнь оплатила сторицей ее страдания.

Она достала из шкафа платье в пол, цвета темного шоколада, с соблазнительным вырезом в области груди. Разложила наряд на постели и поспешила в ванную комнату.

До приезда мужа осталось совсем немного, и она обязана выглядеть красиво. Сегодня их праздник, к тому же, она не приготовила завтрак, как обещала, так что, придется постараться, чтобы Саша остался доволен.

Они не виделись почти две недели. Катя знала, что у Саши теперь другой бизнес, совсем не связанный со строительством. Совсем недавно ее муж стал одним из самых состоятельных людей в Росси. Если бы он участвовал в рейтинге от Форбс, то наверняка бы занял далеко не последнее место. Его состояние насчитывало несколько десятков миллионов долларов. При этом он оставался в тени и был приверженцем простого образа жизни.

Она старалась не вмешиваться. Она ничего не мыслила в торговле оружием и не разбиралась в Сашиних партнерах. Его самого верного соратника – чеченца Рината Басхоева – она жутко боялась и ненавидела, но на ее счастье, он появлялся у них в доме очень редко.

Катя приняла душ и наскоро подкрасилась. Помаду выбрала яркую, сочную, в вишневых тонах. Саше нравилась эта помада.

Вернулась на цыпочках в комнату, достала из комода дорогое ажурное белье кремового цвета и быстро оделась. Придирчиво осмотрела себя в зеркале и удовлетворенно выдохнула – ему понравится.

Уловив щелчок входной двери, Катерина бросилась в прихожую.

Холодный и пахнувший морозом, Ярцев шагнул на порог. Он едва удерживал в руках огромный букет красных роз и пакеты.

Лицо Кати вмиг осветила улыбка, и она, не дожидаясь, когда он поставит пакеты на комод, бросилась ему на шею.

– Привет!

Пакеты выпали, и он, смеясь, подхватил ее свободной рукой за талию.

– Как же я скучал по вам все эти дни, – Саша заглянул ей в глаза, а затем, совсем не боясь испачкаться в помаду, коснулся губами ее губ.

Вишневые губки приоткрылись ему навстречу.

– Сашенька спит... – шепнула Катя, и ее зеленые глаза озорно сверкнули.

Ярцев, улыбаясь, положил на комод розы и сбросил на пол дубленку. Не говоря больше ни слова, затолкал Катю в их уютную кухню, и с новой силой впился губами в ее губы. Нащупал край стола, крепкого и дубового, посадил ее перед собой и задрал вверх подол платья.

– Зачем ты надела белье? – разводя ей ноги, разочарованно фыркнул он и тут же принялся стягивать с нее трусики.

Катя обвила его крепкую шею руками и поддалась настойчивым пальцам. Его губы покусывали мочку уха, скользили по шее, безжалостно размазывали вишневую помаду, но она не чувствовала ничего, кроме волшебных мурашек, бегущих по коже. Ее ногти раздирали пуговицы на его белоснежной рубашке и стягивали с шеи непослушный галстук. Внизу живота все сводило от желания – страстного, ничем не прикрытого. Ей хотелось ощутить его внутри – глубоко и сильно, до саднящей боли. Ее тело безумно скучало по нему и теперь жаждало прикосновений и соития.

Рваные поцелуи жалили ее нежную кожу, колючие щеки царапали, но Катя с наслаждением прогибалась ему навстречу. Ей не хватало этих прикосновений также сильно, как и ему.

Вторжение, резкое, глубокое, не заставило ждать, и она, всхлипнув от острого ощущения, с силой обхватила бедрами его талию. Желание обладать ею, дикое, необузданное, заставляло его вдалбливаться в нее все сильнее. Слух ласкали ее сдавленные всхлипы наслаждения, и по телу растекалось жгучее тепло.

Глухой стон наслаждения не заставил себя долго ждать, и муж с блаженством сжал ее в своих объятиях.

– Мне не хватало твоей распушенности и горящих зеленых глаз, – шепнул ей на ушко он и хрипло, отрывисто рассмеялся.

– Ты сам меня такой сделал, – улыбаясь, Катя одернула подол платья и соскользнула со стола.

– Я скучал по тебе, – Ярцев прижал ее к себе, теперь уже спокойно, с нежностью и игриво провел пальцами по ее растрепавшимся волосам.

– Я тоже, – с наслаждением вдыхая аромат его кожи, отозвалась Катя.

Плач в спальне заставил их вздрогнуть.

– Сашенька, мама здесь!

Очарование момента было разрушено, и Катя, оставив мужа, бросилась к сыну.

Словно довершая невралгию матери, которая проявлялась в болях и страшных снах, он каждый раз плакал спросонья – отчаянно, захлебываясь, и с этим ничего невозможно было поделать.

Ярцев зашагал следом. Своего ребенка он обожал больше всего на свете, и скучал по нему даже сильнее, чем по Кате.

Когда он вошел в спальню, Катерина уже забралась на постель и прижимала рыдающего мальчика к своей груди.

– Все хорошо, папочка приехал... Смотри, Сашенька... папа дома.

Но малыш не спешил тянуть ручки к отцу. За две недели он успел отвыкнуть от него, и теперь, всхлипывая, недоверчиво посматривал в его сторону заплаканными глазками.

– Привет, дорогой, – Ярцев улыбался, но подходить ближе не спешил. Он уже знал, что мальчику надо дать время привыкнуть к нему заново. Не пройдет и часа, как он станет проситься на руки и будет весело болтать на своем, никому непонятном языке. А пока, как бы не хотелось вырвать его у Кати из рук и

зацеловать, надо потерпеть.

– Кто будет кушать кашку? – поглаживая малыша по головке, весело приговаривала Катерина.

Ярцев вздохнул и шагнул к шкафу. Ему хотелось переодеться.

– А после кашки мы всей семьей отправимся на прогулку. Погода, конечно, не очень, но папа просто обязан купить нам елку, – продолжала болтать она, и малыш вовсю заулыбался своим ротиком. – Мы купим на ярмарке украшений, и сегодня вечером наша гостиная будет сиять огнями.

– Конечно, мы все купим, – пообещал глава семейства. – Какой же новый год без елки?

Катя поднялась с постели, подхватила сына на руки, и понесла его в ванную комнату.

Ярцев неспешно переоделся в джинсы и светлый свитер. Ему было хорошо от того, что он дома. Сейчас он поможет Кате приготовить завтрак, они вместе полакомятся почти остывшими булочками, выпьют по чашечке ароматного кофе, и втроем отправятся за рождественской елкой.

У них будет самое счастливое рождество. Ведь для счастья у Ярцевых есть все – уютная квартира, крепкие чувства и маленький, чудесный мальчик с черными кудряшками.

Ярцев взял из прихожей пакеты и розы, и понес их на кухню.

Катя уже усаживала малыша в детский стульчик.

– Кто-то забыл про цветы, – с укором произнес он у нее за спиной.

– Ой. Я так хотела тебя, что забыла про твой подарок... – Катя виновато взглянула на мужа и забрала у него из рук розы. – Прости меня.

– Кому-то вечером придется очень потрудиться, чтобы загладить свою вину, – подмигнул ей он, и нежно куснул в ложбинку у основания шеи.

– Я буду стараться, – заулыбалась она и сверкнула в его сторону своими зелеными глазами. – Кстати, я совсем позабыла про подарок, который предназначен тебе.

Катя заторопилась в спальню и вскоре принесла бархатную коробочку с золотыми запонками.

– Ух, ты. Это... Пстой, наши имена, верно? – он притянул ее к себе и поцеловал в губы.

– Да, наши имена. Мне будет приятно, если ты наденешь запонки на какой-нибудь свой деловой банкет.

– Обязательно надену, – как можно искреннее пообещал Ярцев. Все его мероприятия проходили в зонах вооруженных конфликтов, на закрытых квартирах, а участники носили камуфляж или военную форму. Там, где шла торговля оружием, не было места роскоши, а красивых женщин нуждающимся в ласках заменяли обычные шлюхи. Ярцев никогда не изменял своей жене. Об остальных подробностях он тоже не распространялся, поэтому Катя об этой стороне его жизни почти ничего не знала.

После пережитого три года назад она стала добровольной затворницей – занималась воспитанием сына, дружила только с самыми близкими соседями и несколькими такими же мамочками с детской площадки, а по вечерам, если позволял ребенок, любила разводить краски и рисовать – это успокаивало ее нервную систему. Она хорошо освоила язык и общалась с немками практически на равных.

Полгода назад по рекомендации одной из мамочек Катя начала посещать занятия йогой. Рядом с их домом находился очень хороший клуб, в котором все соответствовало потребностям женщин с детьми. Пока мамы занимались с инструктором (такой же мамочкой с довольным и цветущим двухлетним карапузом), малыши играли здесь же, в специально отведенном месте с целым мини-городком и кучей игрушек. На мягком покрытии для детей были оборудованы две невысокие горки, домик и лабиринт.

Маленький Сашенька с удовольствием участвовал в маминых занятиях. Ему нравилось играть с другими детьми, но он зорко следил за мамой. Как и его отец, он был жутким собственником, не желая отпускать ее дальше, чем на полтора метра, и это забавляло всех Катиных новых подружек.

Два месяца назад она решила тоже выучиться на инструктора йоги, и теперь три раза в неделю посещала дополнительные курсы. К Сашеньке приходила няня, милая пожилая фрау Шнайдер, чем вызывала бурю недовольства последнего.

Ярцеву нравился образ жизни жены, и он даже гордился тем, что его Катя будет инструктором йоги, а не фотомоделью с подиума, как жены многих известных бизнесменов. Почему бы и нет? В конце концов, каждый устраивает свою жизнь так, как ему нравится. Его любимая женщина желала находиться в тени, и его это устраивало. Он предпочитал ни с кем не делиться своей личной жизнью. После того, что они с Катей пережили, он обожал ее и сына до умопомрачения, и в душе очень радовался, что она не тянется к публичной жизни.

Он понимал, что с его возможностями Катя могла бы стать кем угодно – он бы никогда не отказал ей в инвестициях, если бы она попросила. Но ее устраивало тихо воспитывать сына, она искренне любила их маленькую съемную квартиру и соседей. Ярцев предпочитал оставить все, как есть. Главное, чтобы ночные кошмары не мучили ее слишком часто.

Глава 2

Город сиял разноцветными огнями. Рождественский дух пробирался под теплую одежду, будоражил чувства, и хотелось, чтобы праздник никогда не заканчивался. Витрины маленьких, красивых магазинчиков зазывали на рождественские распродажи, отовсюду была слышна музыка, а на улице для желающих погреться продавали горячий глинтвейн и имбирное печенье.

Рождественский рынок на Ратушной площади манил своими расписными товарами, и глаза Катерины горели от восторга. Сколько же здесь было игрушек! Ей хотелось всего и сразу. Она знала – муж никогда не откажет ей в покупках. Учитывая, что сегодня годовщина свадьбы, не откажет вдвойне.

Ярцев любил, когда Катя была в таком настроении. Она, словно маленький ребенок, переходила от одной лавки к другой, с удовольствием пила горячий глинтвейн, купленный здесь же, на ярмарке, и скупала всякую дребедень. Елочные игрушки – стеклянные, деревянные, ручной работы, будоражили воображение, заставляя их покупать. Вкусные угощения, сладости – казалось, Кате нужно все.

Ярцев усадил сына себе на шею, и они вдвоем покорно следовали за своей любимой женщиной. Малыш зорко следил за матерью, готовый в любой момент вцепиться ей в волосы, если она решит сбежать. Он не догадывался, что его мама никуда не собиралась убегать. Она просто радовалась тому, что папа, наконец, дома, и очень скоро они вместе будут наряжать елку.

Ели – настоящие, пушистые, с голубым отливом и шишками заставляли замирать от восторга.

– Выбирай, какую? – притягивая Катю к себе, поинтересовался муж.

Сын, почуяв маму совсем рядом, захныкал и потянулся к ней с отцовской шеи.

Катя улыбнулась мальчику и чмокнула его в холодную щечку.

– Пусть в этом году у нас будет большая и пушистая ель.

– Она займет половину гостиной.

– И что? Зато будет великолепно смотреться. Жаль, у нас нет камина.

– Никаких каминов! Разводить настоящий камин жутко сложно, и от этого пачкаешься. Я сделал это только один раз в жизни и то, только ради того, чтобы не ударить в грязь лицом. В те дни я не мог позволить, чтобы ты считала, что я чего-то не умею.

Катя вспомнила их служебную поездку в Гагры три года назад и рассмеялась.

– У мужчин всегда такое болезненное самолюбие?

- Камина не будет. И точка.

- Ну, и ладно. Тогда нам нужен Санта. Санта на санях! Мы поставим его под елку.

- Давай сначала выберем елку.

- Выбирай. Тебе нести ее до дома.

К концу прогулки малыша спустили на землю – руки Кати были заняты пакетами, а муж взял на себя еще и крепко стянутую веревками ель.

- Тебе обязательно было скупать весь базар? – взмыленный от тяжелой ноши, морщился Ярцев.

- Ну, подумаешь, переборщила немножко, – пожимала плечами Катя.

- Немножко? У нас гостиная меньше размером, чем количество купленной ерунды!

- Значит, надо подыскать квартиру просторнее.

- Очень здравая мысль.

До дома было не далеко – всего пара кварталов, и маленький Сашенька весело перебирал ножками в меховых сапожках следом за мамой, глаза которой светились счастьем – среди пакетов к ним домой ехал купленный дед мороз на золотистых санях.

Вечером, пока Катя укладывала сына спать, Ярцев устанавливал в гостиной пушистую голубую ель.

У маленького Сашеньки была одна очень хорошая черта – он ложился спать ровно в девять часов вечера. Была и плохая – он просыпался в шесть часов утра, и больше никому не давал закрыть глаза.

Но сегодня его быстрый отход ко сну был как нельзя кстати. Катя освободилась в начале десятого и спешила к мужу.

Пробравшись на кухню, она вытащила из холодильника бутылку брюта и достала два хрустальных бокала на тонких, изящных ножках. Взяла с кухонной тумбы новогодние сладости, выложенные на хрустальных блюдцах, нарезку из сыров и вяленой рыбы, и поставила угощения на круглый серебряный поднос.

Когда Катерина вошла в гостиную, муж почти управился с установкой. Повсюду были разбросаны пакеты и коробки с елочными украшениями. Санта на золотистых санях гордо воцарился на большом столе.

Катя восторженно замерла с подносом в руках – ель была роскошной. Пушистая и терпко пахнущая хвоей, она казалась ей настоящим произведением искусства.

– Принимай работу, – Ярцев отряхнулся и выпрямился. – Теперь можешь творить с ней все, что угодно. Учитывая количество купленных игрушек, на ней будет весь базар.

– А разве ты мне не поможешь?

Она поставила поднос на заваленный покупками стол и игриво приподняла красиво прорисованную бровь.

– Похоже, мне не оставили выбора?

Он подошел к ней и притянул к себе за талию. Поцелуи, нежные и зовущие, покрывали ее шею. Шелк нарядного платья соскользнул вниз, соблазнительно обнажив плечи. Следом за шелковой тканью губы коснулись нежной кожи, сначала мягко, а потом все настойчивее, увлекая за собой в мир любовных утех.

Катя уже позабыла про шампанское. Она трепетала в руках мужа в предвкушении новой порции наслаждения. Не удержалась, коснулась руками ремня на джинсах.

Дернув уверенным движением замок и потянув вниз змейку, она медленно опустилась к его ногам.

Серые глаза потемнели и сверкнули вожделенным взглядом, поощряя действовать смелее.

Ей был знаком этот взгляд. Она подалась вперед и осторожно коснулась его губами. Затем провела язычком по возбужденной плоти. Стыдливость куда-то растворилась, и она принялась ласкать его ртом, изредка помогая себе ловкими движениями рук.

Он шумно втянул в себя воздух и дернул вниз шелковое платье. Тут же показалась красивая округлая грудь, и он с вожделением коснулся нежной кожи руками – после рождения ребенка грудь стала намного больше, фигура приобрела свою завершенность, и теперь от Кати было не оторвать глаз.

Она продолжала ласкать его ртом, устроившись у его ног, почти обнаженная и бесхитростная, и он сходил с ума от того, что она с ним делала. Пальцы его рук перебирали медные пряди ее длинных волос, все тело подрагивало от возбуждения, и ему безумно хотелось растянуть удовольствие. Хотелось, чтобы она сбавила темп и позволила насладиться ею дольше.

Но Катя увлеклась процессом, и вскоре Ярцев, возбужденный до предела, с хриплым стоном дошел до пика наслаждения.

– По-моему, кто-то увлекся, – поднимая ее с пола, усмехнулся он.

– Похоже, я, – смущенно натягивая обратно на оголенные плечи платье, улыбнулась она.

– Я открою шампанское, – смеясь, проговорил он.

– Открывай. Я посмотрю, спит ли Сашенька.

– Конечно, спит. Иначе мы бы слышали, что он проснулся.

– Все равно, взгляну.

Катя осторожно вышла из гостиной и заглянула в спальню. Сын спал, раскидавшись по кроватке. Она поправила одеяльце и вернулась обратно.

- За мою не в меру страстную женщину, - протянул ей бокал Ярцев.

- И за возвращение моего блудного мужа, - улыбнулась она.

Бокалы звонко стукнулись друг о друга.

За окном раздались редкие хлопки.

- Похоже, кто-то решил устроить фейерверк, - удивленно повернулся в сторону окна Ярцев.

Они отпили шампанского и с любопытством выглянули во двор.

Начинало смеркаться. Улица мигала разноцветными огнями, навевая праздничное настроение. Прямо под окнами их дома искрился фейерверк.

- Похоже, фрау Мюллер и ее муж решили повеселиться, - узнала соседней Катя.

- Действительно, - согласился муж. - Сейчас полицейские быстро их разгонят.

- Может, не разгонят?

В Гамбурге было строго запрещено использовать праздничный фейерверк. Только один раз в году - 31 декабря - можно было отрываться на полную катушку. 24 декабря никак не входило в эту дату.

Полицейские все не появлялись. Ярцевы полюбовались фейерверком еще немного.

- Я позволю себе помечтать о том, что это фейерверк в нашу честь, - улыбнулась Катя.

- Да будет именно так, - приподнял бокал он.

Они постояли еще немного у окна, наблюдая за разбушевавшимися накануне рождества соседями.

– Катя, нам надо принять окончательное решение, – поправив плотную гардину, повернулся к жене Ярцев.

– Какое решение? – она отпила шампанского и с ожиданием заглянула в его серые глаза.

– Мы живем в Гамбурге уже три года. У нас есть вид на жительство, но мы не являемся гражданами этой страны. Сегодня ты впервые сказала о том, что нам надо приобрести жилплощадь просторнее. Я хочу знать твое мнение. Если мы останемся, нам надо открывать здесь бизнес и покупать недвижимость. Немецкие власти очень лояльны к иммигрантам, вкладывающим средства в экономику их страны. Сейчас у меня есть неограниченные возможности открыть любое дело. Мы подберем себе квартиру или дом, и навсегда останемся здесь.

– У нас будет своя недвижимость? – Катя всплеснула руками, и в зеленых глазах загорелась радость.

– Конечно. Мы подберем недвижимость, которая будет полностью соответствовать нашему статусу. Нельзя же все время жить в маленькой двушке, как бы ты ни любила соседей. Но если ты скучаешь по России, то мы вернемся. Я больше не вижу смысла оставаться в подвешенном состоянии. Нам надо определиться с гражданством раз и навсегда.

– В Россию?

Катя растерянно посмотрела на мужа. Он думает, что она хочет в Россию? В страну, где ее пытались продать в рабство, а потом превратили в страшного, изрезанного ножом инвалида?

– Да, в Россию.

Ярцев с ожиданием смотрел на жену. От ее ответа зависело будущее его бизнеса. Не имеет смысла вкладывать деньги в экономику России, если их жизнь

протекает в Германии.

– Нет, Саша, в Россию я точно не хочу, – усмехнулась Катерина, и от его слуха не ускользнула горечь этого смешка. – Я желаю, чтобы мой сын был достойным гражданином цивилизованной страны. Мы живем здесь, и нам нечего опасаться. Нам не нужна охрана, не нужно жить за тремя заборами, обнесенными колючей проволокой. Если бы не ты, меня уже давно бы не было в живых. В чужой стране я научилась жить заново. Я научилась радоваться. Я счастлива здесь. Играть в «Бандитский Петербург» не по мне. Извини.

– Я понял, – неожиданно тепло улыбнулся ей он. – Выпьем за наше будущее в Гамбурге.

Ярцев приподнял бокал. Катя не удержалась, и тоже улыбнулась.

– Да, в Гамбурге, – словно эхо, повторила она, и бокалы звонко стукнулись друг о друга.

Глава 3

На следующее утро они втроем завтракали на кухне и бурно обсуждали возможности переезда. Гамбург праздновал католическое рождество, но Ярцевы больше ждали 31 декабря, канун нового года, поэтому оставались равнодушными ко всеобщему ликованию.

– Если хочешь квартиру, мы можем подыскать недвижимость в этом же районе, – отрываясь от планшета, в котором просматривал объявления, предложил Ярцев. – Или ты хочешь дом?

– Знаешь, квартира мне нравится больше, чем дом. Главное, чтобы окна не выходили на порт или на озеро. Вид большой воды из окна каждое утро будет сводить меня с ума, – засовывая ложку с яблочным пюре сыну в ротик, покачала головой Катя.

Ярцев согласно кивнул. Она так и не избавилась от своей фобии. После перенесенных операций страхи усилились, и теперь вода душила ее во снах. Психотерапевт сказал, что это последствия пережитого стресса, на который накладывалась невралгия. Периодически Катя посещала специальные занятия, но улучшений не наблюдалось. Они почти смирились с ее снами, и в основном сконцентрировались на лечении невралгии в правой части лица.

Резкий звонок в дверь заставил их переглянуться.

– Я открою, – муж положил планшет на стол и двинулся в прихожую.

Катя с любопытством выглянула вслед за ним – они не ждали гостей.

Спустя пару мгновений ее лицо померкло – в прихожую с веселым смехом ввалился огромный Ринат.

Появление чеченского партнера в их доме не означало ничего хорошего. Того и гляди, принесет на хвосте какую-нибудь очередную новость, после которой рождественские праздники и Катины чаяния провести это время вместе пойдут прахом.

Муж, видимо, не считал Рината Басхоева источником зла. С радостным возгласом он бросился обниматься с огромным бородатым подельником.

– Катя, иди же сюда, поздоровайся, – позвал он, и молодая женщина поняла, что спрятаться в спальне с надеждой на скорый уход незваного гостя не удастся.

Она медленно вышла из своего укрытия и сдержанно улыбнулась из-за мужниной спины.

– Здравствуйте.

– Ты смотри, какая красавица! Я тебе завидую, Саша! – широко заулыбался Ринат.

– Я стараюсь быть хорошим мужем, – довольный комплиментом, кивнул Ярцев и притянул жену к себе. – Катюша, накрой нам в гостиной.

Ее не надо было просить дважды. Она совсем не разбиралась в мусульманских обычаях, но знала одно – женщине не место за столом, когда в гостях Ринат, поэтому быстро скрылась на кухне.

Муж вошел следом, взял на руки сына, и мужчины прошли в гостиную.

– Какой большой мальчик. В прошлый раз, когда я его видел, он только начинал сидеть, – с интересом поглядывал на малыша Ринат. – А Катя все такая же нелюдимая.

– Какая есть, – пожал плечами Ярцев. – После того, что ей пришлось пережить, ее замкнутость – меньшее из всех последствий. Да и мне так даже больше нравится, когда она только моя. А ты, какими судьбами здесь?

– Проездом. У меня дела в Мюнхене. Решил к тебе на полчаса заскочить. Когда еще здесь буду?

– Вот и правильно сделал, что заскочил. Что нового в России?

– Братец твой с Тураевым договориться никак не может.

Ярцев нахмурился. Он знал, кто такой Тураев – незаменимый человек в администрации Владивостока. Он знал его слишком хорошо. Когда-то они вместе учились и крепко дружили. Когда-то, в далеком прошлом, которое Ярцев отчаянно пытался вытравить из сердца.

– Порты не поделили? – угрюмо поинтересовался он.

– Нет. В большую политику твой Олежик собрался, – усмехнулся Ринат. – Во Владивосток метит. Только наши теперь намертво стоять будут. Не пропустят его. Сам знаешь, ежели коса на камень найдет, добра не будет.

– Я думал, в Приморье давно тихо стало.

– В тихом омуте черти водятся.

– Это точно.

Катя вошла в комнату с подносом, на котором принесла угощение – мясную и рыбную нарезку, сыры, мягкие булочки и заваренный в расписном фарфоровом чайнике крепкий чай. Если бы в гости пожаловал кто-то другой, она бы непременно принесла еще и коньяк, но Ринат не употреблял спиртного.

Маленький Сашенька тут же заерзал и слез у отца с рук.

– Иди ко мне, – расставив угощения и чашки с блюдцами, шепнула ему Катя. Не удержалась, заулыбалась – на лице сына появилась искренняя, неподдельная радость. Он тут же бросился ей в ноги, и она, кивнув мужчинам, увела ребенка за собой.

Ярцев проводил ее взглядом и хмуро уставился на расписной чайник. Он уже давно не интересовался жизнью собственной семьи. В этом году исполнилось тринадцать лет с тех пор, как они с Олегом разошлись в разные стороны. Но иногда ему очень хотелось повидаться с родными. Узнать, как там младшая сестра Наташа, обнять мать. А вот Олегу у него до сих пор чесались руки надавать тумаков за тот миллион, который он беспардонно украл у него в тяжелой на подъем молодости, тем самым бросив их с Лизой обратно на самое дно, с которого так сложно было выбираться.

– Знаешь, мы с Катей решили остаться жить здесь, – подавив давно уснувшую и вдруг всколыхнувшуюся злость, сказал он Ринату. – Она привыкла к городу. К тому же, здорово увлеклась йогой. Я все надеюсь, что это поможет ей восстановить нервную систему.

– Никак не избавится от кошмаров?

– Нет. Даже хваленые германские психотерапевты и неврологи не могут нам помочь.

– Мне жаль, – пожал плечами Ринат. – Здесь я бессилен. Я специалист в совершенно иной области.

Они переглянулись и рассмеялись.

После горячего чая Ринат засобирался уходить.

- Для тебя в машине подарок от наших партнеров есть, - вспомнил он.

- Пустое, - махнул рукой Ярцев.

- Нет, подарок стоящий. Памятный. Пойдем со мной в машину, я тебе его отдам.

- Ну, если для тебя это так важно, то идем.

Ярцев надел дубленку и заглянул в кухню.

- Кать, я вернусь скоро, - пообещал он.

Жена выглянула из кухни вместе с сыном на руках.

- До свидания, Ринат.

- До встречи, - криво улыбнулся ей он.

Наверное, это была его самая дружелюбная улыбка из всех, но даже от нее у Кати по коже побежал мороз.

Вскоре мужчины оказались у джипа. Даже напрокат Ринат предпочитал брать внедорожник.

- Не открывай подарок, пока не зайдешь домой, - протягивая длинную коробку, посоветовал Ринат.

- Как скажешь.

Они пожали друг другу руки. Ярцев постоял еще немного, подождал, пока Ринат сядет в джип, и только потом вернулся домой с коробкой в руках.

- Кать, я пришел, - сообщил из прихожей он.

– Хорошо, – весело отозвалась из кухни она. Оттуда раздавались звуки мультфильма из телевизора, и ароматно пахло куриным бульоном – Катя готовила лапшу. Сашенька сидел там же, за кухонным столом, болтал ножками и играл с головоломкой из цветных кубиков – ему нравилось наблюдать за тем, как мама готовит.

Ярцев скинул дубленку и занес подарок Рината в гостиную. Положил его на стол, вскрыл коробку и восхищенно замер.

Перед ним лежал совсем новенький АК-47. Это была подарочная версия автомата. Черный корпус оттеняла эффектная золотая гравировка, и она придавала ему особое, торжественное величие.

Роскошный подарок от партнеров. Подарок, символизирующий его новое детище. Символ мощи и власти. Второй завод по производству АК-47 и его аналогов, теперь уже легальный и работающий в полную силу.

– Саш, – заглянула в гостиную Катя. – Я отъеду ненадолго. Сашеньку возьму с собой. У нас в клубе сегодня рождество, детям Санта подарки будет раздавать.

Она скользнула взглядом по расписному автомату.

– Подарок?

– Нравится?

– Да. Красивый.

На самом деле оружие в доме ей не нравилось, но Катя никогда этого не произносила вслух. Вот и сейчас сдержанно улыбнулась и вручила Саше сына, чтобы переодеться.

– Возьмите меня с собой, – следуя за ней, попросил Ярцев. – Я тоже хочу увидеть Санту из вашего клуба. Мужей же пускают?

– Пускают, – рассмеялась Катя. – Я думала, тебе будет не интересно. Там же одни мамочки с карапузами. Шум, гам.

- Ты возьмешь свою машину? Или поедem на моей?

- Я уже подготовила свою. Там у меня подарки для подружек лежат.

- Тогда ты и поведешь.

- Я нервничаю, когда ты садишься в мою машину, - покачала головой Катя. - Мне сразу начинает казаться, что я снова сдаю экзамен по вождению.

- Я сяду сзади, рядом с Сашенькой. Обещаю всю дорогу молчать.

- Тут дороги - два квартала, - скидывая с себя домашнее платье, усмехнулась она. - Я пешком идти не хочу из-за подарков. Я сама как Санта буду, а может, у меня мешок окажется даже побольше его.

- Тогда мы с Сашенькой будем твоими помощниками эльфами. Дотащим твой мешок до спортзала. У тебя есть для нас шапочки?

- Есть, - рассмеялась она. - Только у Сашеньки есть собственный костюм. Эльфами будем мы с тобой.

Она бросила ему две блестящие шапочки с пушистыми белыми бубончиками и переделась в теплые спортивные брюки и толстовку - у них в клубе так было принято, ходить в спортивной одежде. Собрала волосы в «хвост», подкрасила губы и не забыла про духи, безумно дорогие, от которых у Ярцева каждый раз по-юношески замирало сердце.

- А мне что надеть? В джинсах и свитере можно идти?

- Можно, - бросив в его сторону короткий, оценивающий взгляд, разрешила Катя. Достала из шкафа костюм тигренка из теплого флиса для сына и разложила все на кровати.

- Иди сюда, мой мальчик. Мама тебя оденет для прогулки. Сегодня особый день. Ты будешь тигром.

- Уссурийским, - почему-то сорвалось с языка у Ярцева.

Катя замерла. От слова «уссурийским» веяло непонятной тревогой. Интуиция никогда ее не подводила. Опять Ринат принес новости из России.

- Да, пусть будет уссурийским, - подумав несколько мгновений, согласилась она.

- Пока наш маленький тигренок подрастает, у него есть большой и сильный папа-тигр, - разглядывая смешные шапочки с бубончиками, улыбнулся Ярцев.

- Р-р-р, - в шутку зарычала Катя и чмокнула сына в носик.

Ярцев неотрывно следил за тем, как жена одевает ребенка в мягкий костюм тигренка. Ему хотелось запечатлеть в сердце их образы - веселых, смеющихся. Эти образы помогали ему потом, когда он надолго уезжал к своим заводам. Хорошо, что в скором времени эти поездки закончатся. Он будет вкладывать деньги в Гамбургскую экономику, и больше не будет долгих разлук.

В клуб Ярцевы приехали быстро - он действительно находился в двух кварталах от их дома. Катя протянула мужу красную шапочку эльфа, себе надела на голову такую же, и они веселой делегацией выбрались из машины.

Ярцев достал из багажника два больших пакета с игрушками. Глаза его жены горели от предвкушения раздачи подарков, и он тоже увлекся этим мероприятием. Никакого оружия, никаких криминальных войн. Только фитнес-клуб, где занимаются йогой степенные немки. И он сам, в красном колпачке эльфа послушно шагает следом за Катей и сыном, с огромными пакетами в обеих руках.

В спортзале уже сновали туда-сюда участники торжества. Маленькие девочки и мальчики, примерно того же возраста, что и его сын, разряженные в новогодние костюмы, возились на оборудованной в углу небольшой детской площадке. На столах стояли нехитрые угощения, детские напитки и пластиковые стаканчики, расписанные специально для рождества. Все ждали прихода Санты.

Разговаривали на немецком. Появление Ярцева вызвало неподдельное оживление. Малыши обрадовались, приняв его за Санту.

– Сначала эльф. Санта будет позже, – под всеобщий хохот на немецком языке объявила Катя, и принялась раздавать подарки.

Им тоже все время что-то дарили. Какие-то совсем ничего не значащие немецкие безделушки, игрушки для Сашеньки. В стаканчиках шипел брют, который все же принесли вопреки правилам, и отовсюду слышался веселый смех. Немцы старались поздравить друг друга скорее, чтобы ближе к вечеру вернуться по домам. Рождество – особое время. Они любили проводить его в тесном кругу семьи.

Кате тоже хотелось брюта.

– Можешь пить, сколько хочешь, я поведу машину, – примирительно вздохнул Ярцев. Он не любил водить ее машину, ему было там жутко тесно, но чего не сделаешь ради жены в канун рождества, пусть даже и католического.

Катя, просияв, чмокнула его в щеку и потянулась за пластиковым стаканчиком.

Пока она веселилась с подругами, Ярцев снял обувь и зашел на детскую площадку, поиграть с сыном.

Дети обступили его со всех сторон и радостно повизгивали. Видимо, для их восприятия не было большой разницы – Санта приехал, или просто Эльф. Вскоре они завалили Ярцева на мягкое покрытие и пытались закарбкаться ему на спину.

Настоящий Санта прибыл через тридцать минут, и началось настоящее веселье. Дети желали получить подарки и вертелись вокруг большого мешка, родители спешили запечатлеть их на фото. Катя тоже много фотографировала – ей безумно нравилось снимать Сашу, играющего с маленьким Сашенькой. Муж помахал ей рукой и послал в камеру воздушный поцелуй. Он знал – в отличие от подруг, Катя никогда не выложит фотографии в социальные сети. Никакого фейсбук и инстаграм. После трагедии она избегала огласки. Конечно, Россия безумно хотела знать, исцелили ли ее страшные шрамы. Ведь когда она пропала накануне свадьбы, известие об этом облетело всю страну. И потом, когда ее нашли, едва живую, изрезанную ножом, журналисты не заставили себя долго ждать, растрезвонили взхлеб о ее сумасшедшем брате на каждом углу. Орава любопытных бездельников еще долго смаковала подробности ее дела. Все

ждали возмездия, но оно так и не наступило. Сережа пропал. Только Саша Ярцев и Ринат Босхоев знали, куда он делся. Видимо, ленивые сотрудники городской полиции не спешили с поисками. Тело из реки так и не выловили. Как бы там ни было, после отъезда в Германию Катя Соловьева для всех умерла. Никакой огласки.

Теперь здесь жила Екатерина Ярцева, верная жена и самый близкий друг своего мужа.

Ярцев тоже никогда не регистрировался в социальных сетях. После отъезда из России он поддерживал тесные отношения только с Чечней и соратниками Рината Босхоева.

– Саша! – Катя, веселая и покрасневшая от брюта, выдернула его из размышлений и поманила к столу. – Возьми Сашеньку, Мари нас сфотографирует!

Он улыбнулся. Полногрудая Мари в пуловере с рождественскими оленями оживленно вертела в руках камеру Ярцевых.

Катя подскочила к нему, и он крепко прижал ее к себе. Сашенька устроился между ними.

– Р-р-р, – зарычала Мари, и малыш засмеялся. Щелкнула фотокамера, запечатлевая семейство в шапочках эльфов с маленьким тигренком на руках.

«Уссурийский», – всплыло в голове у Кати, и странная, неясная тревога вновь всколыхнула сознание.

Глава 4

Сашенька всхлипнул, и Катя резко проснулась. Приподнявшись в постели, посмотрела на резную деревянную кровать. Нет, показалось. Сын крепко спал. Видимо, ему что-то приснилось. Она уже потянулась за одеялом, чтобы снова провалиться в сон, но вдруг заметила, что соседняя сторона постели была пуста.

Мужа рядом не было.

Катерина села в постели. Из кухни под дверь падал приглушенный свет. Озадаченная отсутствием Саши, она накинула на плечи мягкий халат и тихо вышла на кухню.

Муж сидел за столом. Перед ним стоял открытый ноутбук. Рядом стояла початая бутылка коньяка, в маленькой тарелочке лежал нарезанный лимон с сахаром.

Сначала Катя решила, что он просто смотрит кино, но подойдя поближе, увидела на экране открытую социальную сеть Фейсбук.

- Саш, ты почему не спишь?

- Не могу, - вздохнул он.

Она встала позади него и положила ладони на его широкие плечи.

- Что-то случилось?

- Мать приснилась.

Он с горечью посмотрел на свои руки и тяжело вздохнул.

- Да так отчетливо и ясно, что, когда открыл глаза, мне показалось - она в нашей спальне.

- Сколько лет ты их не видел?

- Тринадцать.

- А они хоть знают, что с тобой?

- Нет.

- Ясно, - Катя отодвинула стул и села рядом.

- Что тебе наговорил Ринат?

- Ничего. Сказал только, что братец мой рвется во Владивосток, на место градоначальника.

Ярцев отодвинул ноутбук и плеснул себе коньяка на дно стакана.

Катя взглянула на экран. Оттуда на нее весело смотрела красивая блондинка. Наталья Ярцева, хозяйка сети салонов красоты «Наташа», - прочитала Катя.

- Это сестра? - осторожно поинтересовалась у мужа она.

- Да. Когда я уехал, ей было четырнадцать.

- Можно, я посмотрю фотографии?

- Конечно. Социальные сети для того и существуют.

Катя с интересом начала листать картинки. Какой-то мужчина, видимо, муж или партнер. Еще один мужчина, очень похожий на ее мужа. Пронзительно красивый. С пустым, ледяным взглядом серых глаз.

- Это брат? - догадалась Катя.

- Олежа, - кивнул Ярцев. - Предатель и мерзавец, который никогда не перед чем не останавливается, если надо добиться цели.

- Даже... если надо будет убить? - сглотнула Катя.

- Конечно! А ты думала, он там, в Приморье просто так, за красивые глаза выбирается на посты?

Муж горько усмехнулся и опрокинул в себя коньяк.

- А мама?

– Мама в Находке. Сестра во Владивостоке, бизнесом занимается. Олежа туда же в губернаторы метит. Только чеченцы его не пустят. С ними ему не договориться.

– Саш, да Бог с ним, с братом. Плохо, что мама не знает, что у нее внук есть.

– Она не знает, что я живой еще, Катя.

– Как, не знает? – побледнела она.

– Вот так, – отмахнулся он. – У меня с чеченцами свои дела были. Отчего, думаешь, мы с Ринатом верные соратники? Просто так оружие производим? Много чего вместе прошли. Со службы на флоте не разлей вода.

– И мама думает, что ты умер? – ошеломленно посмотрела на мужа Катя.

– Они все так думают. Что я сгинул где-то на Северном Кавказе, в очередной зоне конфликта. А я выполз. И состояние свое заново сколотил. Только об этом не знает никто. Не в почете в моей семье торговцы оружием.

– Саш... тебе надо с матерью увидеться. Ты представляешь, каково ей? Знать, что ты пропал без вести? Боже мой, да я даже представить не могу, что бы со мной было, если бы мой маленький тигренок пропал! – она прикрыла рот рукой. В зеленых глазах блеснули слезы. – Да я от горя умерла бы!

– Не знаю, Катюша. Слишком много времени прошло с тех пор, как я уехал из Приморья.

– Но почему нет?

– Да не могу я, Катя! – он сжал зубы так плотно, что свело скулы. – Ну, что я им скажу? Здравствуйтесь, я вернулся? А у них своя жизнь, понимаешь? Меня давно вычеркнули. К чему ворошить то, что уже затянулось?

Он подхватил бутылку коньяка и налил себе полную стопку.

Катя так распереживалась, что достала стакан и для себя. Руки мелко подрагивали. Надо же! Молчал, молчал три года, и вот, выяснилось. Собственная семья его мертвым считает!

- Не могу я, Катюша. Неловко мне стучаться к ним снова. Никто я им давно уже.

Он плеснул коньяка и ей, и тяжело вздохнул.

- Саш, ты меня убиваешь... без ножа режешь, - Катерина подхватила стопку и тоже разом выпила коньяк. Поморщилась, тут же закусила кислым лимоном и передернула плечами.

- Ладно, забудь, - он привлек ее к себе и уткнулся лицом в ее мягкую грудь. - Просто погладь меня... Глядишь, тоска и отпустит.

Она запустила тонкие пальцы в его густые и черные, как смоль, волосы и принялась перебирать их. Муж прикрыл глаза от удовольствия и с нежностью обхватил ее за талию.

- Ну, вот, мне уже лучше, - спустя некоторое время оторвал от ее груди голову он. - Пойдем спать, родная. Забудь о том, что я тебе говорил.

Поднес к губам ее руки и поцеловал. За три года совместной жизни Катя стала неотъемлемой частью его самого. Той самой частью, которая всегда понимала без слов и умела читать его мысли. Он безумно ее любил. Казалось, в мире нет никого дороже его Катюши и маленького сына, который стал продолжением их двоих.

Сейчас Катюша с тревогой заглядывала в его глаза. Понимала, что в его душе далеко не все так безмятежно, как кажется. Приморье, далекое и дикое, край света, неотесанный край России, вдруг встал перед ними так явственно, что казалось - до него рукой подать.

Он покачал головой и поднялся из-за стола. Взял ее за руку и потянул в сторону спальни.

- Спать, Катенька, спать. Тигренок проснется ни свет, ни заря, знаешь же.

Но она до самого утра не смогла сомкнуть глаз. Фотографии Сашиной сестры Натальи все не шли у нее из головы. Эта красивая молодая женщина мысленно похоронила своего брата и даже не знала, что он живет с женой и сыном в Гамбурге.

Под утро Катя заснула. Ей снова снился сон. Черная вода, страшной рукой тянущаяся к лицу. Левую скулу опалило болью, и она не могла вдохнуть. Но впервые ей отчаянно захотелось бороться. Хотелось выжить в этом безмолвном сражении и сбросить с себя тягучую черную смесь.

Откуда-то слева залилась звонким лаем собака. Рука отступила. Катя повалилась на промерзшую землю.

Следующее утро началось, как обычно. Сашенька проснулся в пять тридцать, и Катя, хлопая стеклянными глазами, побрела варить ему кашу. Они любили проводить утро на кухне – малыш смотрел мультфильмы и играл в своем стульчике для кормления с занимательными кубиками, а его мама готовила завтрак и весело болтала с ним. Он любил слушать ее голос. Казалось, нет ничего приятнее маминого голоса, и ароматного запаха свежей каши.

В это утро Катя почти не болтала. Она все думала про свой сон. Образы всегда приходили в одной и той же последовательности. Она просыпалась в тот момент, когда умирала во сне. Этой ночью сон изменился. «Возможно, дыхательные практики и занятия йогой начали давать свои первые плоды», – с робкой надеждой подумала она.

В семь часов, кутаясь в длинный махровый халат, на кухню пришел муж.

– Сашенька, милый, и в кого ты у нас такой жаворонок? – потрепав малыша по пухленькой щечке, улыбнулся он.

Сын залился веселым детским смехом, нетерпеливо заерзал на стульчике и потянул к нему ручки.

Ярцев не удержался, подхватил его на руки и легко подкинул вверх.

– Тигренок, скажи: р-р-р, – заглядывая малышу в глаза, попросил он.

– Л-л, – последовал несмелый ответ.

– Кашу будешь? – рассмеявшись, подала голос от плиты Катя.

– Я? Да никогда в жизни! – возмущенно фыркнул Ярцев. – Каша для избранных. Приготовь мне лучше яичницу с беконом. А потом займемся поиском подходящего жилья.

– Как скажете, господин муж, – она послала своим мужчинам воздушный поцелуй и направилась к холодильнику.

На самом деле Кате совсем не хотелось переезжать. Она любила это место всей душой. Но Саша тысячу раз прав. Пришло время приобрести собственную недвижимость и получить, наконец, гражданство. Вот только их ночной разговор никак не шел у нее из головы.

– Знаешь, Катюша, я сначала сам в компанию по продаже недвижимости скатаюсь, – задумчиво произнес Ярцев, когда ароматная яичница с хрустящим беконом была готова и разложена по тарелкам.

– Без нас? – всовывая малышу в ручку резиновую ложку, уточнила Катя.

– Вас я возьму, когда уже будет, что смотреть. Иначе что таскать тигренка за собой впустую? Холодно, еще подцепит простуду. Сама знаешь, что такое температура.

– О, да, – подкатила глаза к потолку Катя. Она знала. Температура у Сашеньки была сравнима с концом света. Сразу поднималась под тридцать девять и выше, и сбить ее можно было только уколами. Катя даже сама научилась смешивать лекарство в нужных пропорциях и ставить укол.

– Когда определимся с просмотрами, поедем вместе. Или вызовешь няню. Тогда сможем поехать вдвоем.

– Вдвоем? – оживилась Катерина. Она уже и забыла, когда они с мужем куда-то ходили вдвоем. И вообще, куда-нибудь ходили. С появлением ребенка быт и рутина затянули их с лихвой.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – муж перехватил ее взгляд и хитро улыбнулся. – Обещаю ужин в самом лучшем гамбургском ресторане.

– Я надену красивое платье.

– Может, тогда не стоит ждать? Вызови няню сегодня же. И вечером сходим в ресторан.

– Хорошо.

– Скажи, что заплатим ей двойную плату, если она уложит тигренка спать.

– Попробую, – глаза его Катюши загорелись изумрудным огнем. Сердце отстукивало свой радостный ритм в предвкушении свидания.

– Выбирай ресторан.

– Тафельхаус, – с вызовом посмотрела ему в глаза она.

– Ух, ты. Недурно. Придется и мне надеть что-нибудь стоящее, ведь Тафельхаус посещают знаменитости, – повеселел он. – Будет совсем негоже, если я притащусь туда в джинсах, а за соседний столик сядет Хайди Клум со своим спутником. Мне будет неловко.

Катя расхохоталась.

Ярцев не удержался, и положил руку ей на колено под столом. Медленно повел ладонью вверх по бедру, попутно отбрасывая в сторону ткань шелкового халатика.

Катя шумно втянула в себя воздух и отдалась откровенной ласке. Внизу живота что-то вспыхнуло, скрутилось в тугий клубок и запульсировало горячим желанием.

– Уложи его спать, – шепнул муж.

– Еще рано. Он не ляжет, – продолжая млеть от его поглаживания, покачала головой она.

– Я тебя хочу.

– Я тоже. Придется подождать еще пару часов.

Ярцев разочарованно вздохнул и одернул ее халатик обратно.

– Надеюсь, к моему возвращению тигренок будет спать, – наигранно строго посмотрел он в сторону сына, активно размазывающего манную кашу по столику.

– Л-л-л, – четко, но картаво произнес Сашенька в ответ, и заулыбался детской, искренней улыбкой.

Ярцев просиял.

– Он понимает, Катя! Понимает, что если его называют тигренком, то он должен делать «р-р-р»!

– Ну, да, он же растет, – рассмеявшись, пожала плечами Катерина.

После завтрака муж уехал, а Катя вместе с сыном переместилась из кухни в гостиную. Она усадила мальчика на пушистый коврик с игрушками и села рядом. На колени поставила ноутбук – посмотреть объявления о продаже недвижимости. Не выключенный по всем правилам накануне, ноутбук открылся социальной сетью Фейсбук. С экрана на Катю смотрела счастливо смеющаяся Наталья, хозяйка сети салонов красоты «Наташа».

Сердце кольнуло неясной болью. Три года назад Катя выбросила из сердца родную страну и поклялась больше никогда туда не возвращаться. Но сейчас, при взгляде на фотографию, горло сдавило спазмом. Наташа тоже была русской. Немки не могли подарить Кате настоящую русскую дружбу. Ей безумно захотелось написать сообщение и получить ответ. Чем живут в Приморье? Есть ли там хоть что-то кроме диких порывов ветра, нескончаемого моря и уссурийских тигров?

Сглотнув подкативший к горлу ком, Катя вошла в сеть под своим аккаунтом. В последний раз она просматривала свою страничку три года назад. Там она еще была Соловьевой. Фотографии, где они с Марго, любимой русской подругой, пьют дешевое шампанское в маленькой обшарпанной квартире под новогодней елкой, резанула по сердцу ножом. Они с Марго даже не попрощались. Катя была в том страшном состоянии, когда хотелось порвать связи со всем миром, лишь бы не остаться в памяти знакомых с теми шрамами, которые оставил у нее на лице родной брат.

Она вздохнула и изменила данные. Пометила «в браке» с Александром Ярцевым и сменила фамилию. Теперь на экране высвечивалась Екатерина Ярцева. Катя сменила аватар и добавила новые фотографии. Одну старую, где они с Сашей в Париже, еще до свадьбы, и две новых – с недавнего рождества. Маленький тигренок, их с Сашей любимый ребенок, наконец стал достоянием общественности.

Катя не писала сообщений Наталье. Она бы не посмела сделать это без разрешения мужа. Но она снова прогулялась по ее страничке и поставила два раза отметку «нравится» фотографиям, а затем вышла из сети. Она еще не знала, что ее невинное действие произведет эффект разорвавшейся бомбы.

Глава 5

– Твое платье заставляет меня ревновать, – хмурясь, шепнул Кате на ушко муж, когда они чинно проследовали к заказанному в «Тафельхаус» столику.

Катя промолчала, но ее губы, тщательно покрашенные насыщенной помадой, дрогнули в улыбке. Ей льстил его закипающий ревностью шепот.

Ярцев скользнул по жене оценивающим взглядом. Она выглядела не хуже звезды. А может, и лучше. Длинные волосы цвета сочной корицы ниспадали по плечам красивыми локонами. Платье насыщенного кофейного оттенка подчеркивало талию и приковывало взгляды к глубокому вырезу в области груди.

Редкие посетители ресторана провожали их пару восхищенными взглядами. Впервые за совместную жизнь Ярцев почувствовал укол ревности так отчетливо.

«Нет, все же хорошо, что она занимается йогой с неповоротливыми немками и не тянется к публичной жизни», – подумал он. Крепко, будто опасаясь, что жену украдут, сжал ее локоть и подвел к их столику.

Катя с восхищением открыла меню. Ей всегда нравились дорогие Гамбургские рестораны. «Тафельхаус» был именно таким – дорогим, подчеркивающим их статус. И даже вид на гавань несколько не тревожил ее впечатлительную натуру.

Они заказали отменное вино. На кухне уже готовился стейк из телятины с муссом авокадо и пирог на десерт.

–А вот скажи мне, что ты думаешь насчет виллы в пригороде? – с интересом посмотрел на жену Ярцев.

– В пригороде? – погрузилась Катерина. – Я привыкла, что все рядом. До рынка рукой подать, все в одном месте. В пригороде будет не так удобно. А с Сашенькой и подавно.

– Зато у нас всегда будет свежий воздух и идеальная экология. А насчет рынка и всего остального – у тебя же машина. Села за руль, и спустя двадцать минут ты в городе.

– Я больше склоняюсь к квартире, – все еще упрячилась она. Но, судя по лихорадочному блеску в глазах мужа, он уже принял решение насчет виллы, и сдаваться не собирался.

– Ты просто не видела каталог пригородных вилл, Катюша, – он улыбнулся и взял ее руки в свои. – В Гамбурге сейчас предложение на роскошные квартиры превышает спрос. А в пригороде раздолье. Пообещай мне, что окончательное решение примешь только после того, как мы осмотрим все достопримечательности.

– Ладно, – нахмурилась она. – Видимо, ты уже видел то, что тебя очень заинтересовало. Но запомни – для меня важна развитая инфраструктура.

– Тебе понравится вилла, Катенька, – разливая в бокалы первоклассное вино, подмигнул ей он. – Ты еще никогда не видела такого роскошного дома. В пригороде можно найти виллу, которая выглядит, словно настоящий замок. Ты будешь чувствовать себя королевой. И никакой воды поблизости.

– Я не хочу оставаться совсем одна, когда ты уезжаешь. Когда рядом есть соседи, мне легче.

– Мы наймем людей, которые будут помогать следить за домом и порядком. Если мне придется уехать, они будут ночевать в доме. В ближайшее время я планирую добиться для нас гражданства и начать какой-нибудь бизнес здесь. Мне не надо будет уезжать.

– А как же твой завод?

– Что ему будет? Пока у руля Ринат и его соратники, он прекрасно работает. Соседям нужны войны, так что банкротство нам не грозит.

Ярцев торжествующе усмехнулся и приподнял бокал.

Катя подавила неосторожный вздох. Ее, в отличие от мужа, совсем не радовал его бизнес. Торговля оружием несла смерть. Всегда. Пусть даже Саша был замешан в этом и косвенно. Она знала, что никогда не скажет ничего против. С той самой минуты, как он вытащил ее из проклятого загородного клуба, в котором ее хотели оставить в качестве рабыни, она стала частью его жизни. Чтобы не происходило, Катя навсегда принадлежит Саше. Если он пойдет ко дну, она и сын пойдут за ним следом. А пока Саша процветает и его счета в банках пополняются с бешеной скоростью, Катя и малыш будут поддерживать его имидж и улыбаться на всех совместных фотографиях.

Катерина внимательно посмотрела на мужа и тоже приподняла бокал с вином.

– За твой успех, дорогой.

– И за красивую женщину, что сидит напротив, – победно сверкнув взглядом серых глаз, улыбнулся он.

После ужина они собирались немного прогуляться по ночному городу, но с моря порывами дул ледяной ветер, и прогулка превратилась в испытание холодом.

– Город-порт, – сжимая ее заледеневшую руку в своей, усмехнулся Ярцев. – Гамбург напоминает мне родной Владивосток. Наверное, поэтому я хочу здесь осесть.

– Кажется, нам пора в такси и домой, – зябко поеживаясь, прервала его воспоминания Катя.

– Поехали. Тигренок спит, а нас ждет мягкая постелька... Я так и не получил сегодня свой десерт, – прижимая ее к себе и целуя в шею, проговорил он.

– Так поехали скорее. Будет и десерт, – сверкнула зелеными глазами Катерина.

Глава 6

Серое утро ознаменовало себя смятыми после бессонной от любовной лихорадки ночи простынями и резким плачем из детской кроватки.

Катя зажмурилась. Вставать в пять часов утра после того, как заснула в начале третьего, у нее просто не было сил. «Пожалуйста. Ну, пожалуйста, поспи еще немного», – с отчаянной надеждой прошептала она.

Но Сашенька спать не планировал. Вероломно покинутый родителями прошлым вечером, он орал во всю глотку, требуя взять его на руки и немедленно подарить огромную порцию любви и молочной смеси.

– Не-ет, – глухо простонал муж на другом конце постели и накрыл голову подушкой. – Пожалуйста, засни снова... Хоть на полчасика...

Катя вздохнула и сползла с постели.

– Кто у нас плачет? – зажигая приглушенный светильник, затопала к кроватке она. – Ну же, иди к маме. Ой, да ты холодный весь! Без одеяла спал, да?

Она прижала малыша к сердцу, укутала в одеяльце и вместе с ним пошла на кухню, подогревать смесь.

Сашенька вцепился ручками ей в волосы и постепенно затихал.

Сердце пронзила щемящая нежность. Нет чувства слаще, чем прижимать к груди своего ребенка. И совсем не важно, что глаза слипаются от желания заснуть. Как же мало она знала до его рождения! В нем весь смысл, вся ее жизнь.

Она вернулась в спальню, устроилась на подушках с Сашенькой на руках, и даже не заметила, как они с малышом задремали. Ей снова приснилась собака. Теперь она видела ее отчетливее, чем в прошлый раз. Это был лабрадор со сломанной лапой. Вода глазела на нее молча, удушающе, но не трогала.

Катя проснулась, и сердце заполонила робкая надежда на исцеление от кошмаров. Если психика начала вводить в сон новые элементы, значит, есть шанс избавиться от удушения и дикой боли.

К обеду стало ясно, что ни о какой квартире в качестве приобретаемой недвижимости речь больше не идет. Саша загорелся идеей купить роскошную виллу. Катя была удивлена его категоричности. Ее муж, обычно неприхотливый в отношении жилья, вдруг решил, что отныне они будут жить на широкую ногу.

Катерина занималась домашними делами, стараясь смириться с новой участью. Ей казалось, он запрет ее в этом огромном особняке, и она уже не сможет вести прежнюю жизнь. А ведь после новогодних каникул она, как инструктор йоги, собиралась вести группу из нового набора. Ей было горько и обидно, что муж готов поступиться ее, пусть даже маленькими, интересами в угоду своему капризу. Она так радовалась, что ее сны наконец стали менять свою окраску! Теперь, если Саша увезет ее из Гамбурга, она потеряет связь с привычным миром, и кошмары вернуться.

Ярцев чувствовал в ней перемены и жутко злился. Ему казалось, он ее совершенно избаловал. Ну, какая женщина отказывалась бы от роскошной виллы в угоду глупым занятиям йогой?

– Послушай, Катюша, – когда Сашенька ушел на свой дневной сон, попробовал разрешить возникшее недоразумение он. – Ведь это неплохо, когда у тебя есть вилла. Я понимаю, ты привыкла уютиться в квартире, и тебе страшно представить, что у нас будет немного другой образ жизни.

– Уж прости, какая есть, – обиженно буркнула она в ответ, и в глазах блеснули слезы за тот упрек, что она не умеет жить на широкую ногу.

– Катя... Ну, скажи мне, разве я хоть раз тебе в чем-то отказывал? – взял ее за руки он. – Разве хоть раз было такое, что мои рекомендации чем-то навредили тебе лично?

– Нет, – она попыталась отвернуться.

– Послушай же меня. Твой муж обладает такими средствами, что смешно продолжать тесниться в городе. Я хочу роскошную виллу, и точка. Просто прими этот факт. Поверь, после того, что ты увидишь, у тебя не возникнет желания продолжать уютиться здесь.

– А как же моя работа? – поникла она.

– Какая еще работа? – испуганно посмотрел на нее он. – Твоя работа – это я и Сашенька! Йога – хобби, Катя. Никакой работы у тебя быть не может. По-моему, мы с тобой все решили еще задолго до того, как переехали сюда. Твоя работа – это семья.

Она совсем растерялась. Горло сдавило спазмами. Ей нельзя работать даже в клубе инструктором?

– Саш, я не пойму. Я у тебя в рабстве, что ли? – опалила мужа яростным взглядом Катя.

– Нет! – воскликнул он. – Ты замужем! За- му- жем, понимаешь?!

– То есть, быть за тобой замужем приравнивается к тому, что я обязана быть в пожизненном услужении только твоим интересам?

– Не говори ерунды! – окончательно разозлился Ярцев. – И научись, наконец, слышать, что я тебе говорю. Во-первых, ты никогда не будешь работать. Это не обсуждается. И, во-вторых, мы переезжаем в дом, который выберу для нас я. Это тоже не обсуждается.

Катя оттолкнула его от себя и быстро вышла из гостиной. Ее душили слезы. Что с ним случилось? Отчего вдруг такие перемены? Он же всегда относился к ней по-другому. Не было ни разу нареканий и упреков за эту йогу. Что сейчас с ним творится?

Ярцева же переполняла злость. Как Катя, которую он холил и лелеял, может так эгоистично себя вести? Отталкивать его от себя, уходить в разгар их разговора?

Он бросился за ней следом и настиг у входа в кухню. Резко дернул за руку и прижал к стене.

– Кто тебе разрешил уйти, Катя? – прорычал он.

– Пусти меня, – оттирая слезы, потребовала она. Именно потребовала, а не попросила. И это взбесило его еще больше.

– Ты готова поступиться нашими отношениями в угоду своему капризу? – ледяным тоном проговорил ей в лицо он. – Что с тобой такое, Катя?! Мы женаты не первый год! Ты знаешь, как я отношусь к любому проявлению твоего упрямства!

– Упрямства? – вытерев слезы, попыталась отвернуться от него она. Он не позволил, вместо этого еще сильнее вдавив ее в стену. И тогда она перешла в наступление.

– Мое единственное желание два раза в неделю заниматься в клубе йогой является для тебя проявлением упрямства?! Да я ведь даже не выхожу никуда

из дома! Не общаюсь с людьми! Все, что я делаю, это пытаюсь обрести уверенность в себе с помощью дыхательных практик! Мне кошмары по ночам снятся, Саша! Никуда они не делись! Со временем только сильнее душат меня во сне! А ты хочешь с корнем меня отсюда вырвать и увезти в глушь, где даже людей вокруг нет!

- Ты ведь даже не посмотрела еще, куда я переехать хочу, а уже ерунду несешь! - отпустив ее на мгновение, всплеснул руками Ярцев.

- Почему мои предпочтения являются для тебя ерундой?! Потому что ты оплатил мое лечение и теперь можешь делать со мной все, что вздумается?!

Ярцев на мгновение замер.

- Вот как, значит? - сжав ее плечи так больно, что она вздрогнула, ледяным тоном проговорил он. - Получается, нас с тобой нет? Есть отдельно я, и отдельно ты?

- Интересно, если бы ты женился на ком-нибудь другом, не таком проблемном, ты предъявлял бы такие же требования?! - бросила ему в лицо она.

- Если бы на твоём месте была другая женщина, она бы боялась даже посмотреть в мою сторону не так! - прошипел он. - Тебя же спасает лишь то, что ты мне слишком дорога, Катя! Слишком больно было тебя терять. Любить вопреки всему!

- Оставь меня в покое, - она вдруг обмякла и перестала сопротивляться. - Я сделаю все, что ты скажешь.

Мягко отстранилась и тихо ускользнула от него на кухню.

Он остался стоять в прихожей. Ярость куда-то пропала, уступив место привычному отчаянию. Хирурги убрали шрамы с ее лица. Он лично был рядом, когда утопили ее брата. Но никому так и не удалось убрать порезы с ее души. Они не затянулись до сих пор.

Он тихо вошел на кухню.

Катя мыла детские бутылочки и всхлипывала, неуклюже оттирая лицо рукавом длинного и расписанного цветными красками платья.

Ярцев встал сзади, положил руки ей на плечи и мягко поцеловал в макушку.

– Кать... не говори так больше, – тихо попросил он. – Не для этого я тебя вытягивал. Хочешь заниматься, занимайся. В конце концов, я открою клуб для тебя лично. Это будет подарок.

– Слишком роскошно для подарка, – всхлипнула она.

– Нет, – рассмеялся он. – Нет ничего проще, поверь. Тем более, что мы собираемся вкладываться в экономику Германии. Только переехать нам придется. От тебя ничего особенного не требуется. Всего-то поддержать меня... Ну, же, не плачь.

Он развернул ее к себе и коснулся ладонями ее заплаканного лица.

– Прости меня, если я сказал что-то слишком грубо. Ты же знаешь, я вспыльчивый. Я ни в коем случае не хочу ущемлять твои права. Если я не желаю видеть тебя работающей, это совсем не значит, что я против твоих интересов.

Она прижалась лицом к его груди и потихоньку успокаивалась.

Ярцеву стало легче. Если Катя инстинктивно ищет у него утешения, значит, больше не обижается. Он прижал ее к себе крепче и погладил по сплетенным в косу волосам. Порой с ней бывает чудовищно сложно. Из-за травмы она боится перемен. Самые простые вещи она превращает в трагедию, и очень трудно пробиться сквозь воздвигнутые ею стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/buzakina_yuliya/ee-shikarnyy-boss-2-vopreki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)